

Елена Семерикова:
«ДЛЯ СИЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА
ВСЕГДА ЕСТЬ ВЫХОД»»

Когда мне поручили подготовить материал о члене Общественной палаты РФ, председателе Центрального правления общероссийской общественной организации «Женский диалог» Елене Геннадиевне Семериковой, я, честно говоря, не ожидала, что познакомлюсь с такой мужественной и яркой женщиной. Ее судьба – приключенческий роман. О ней можно писать остросюжетный боевик, снимать сериал. Но давайте дадим слово самой героине:

– Я родилась в Свердловске. Почти сразу после окончания школы вышла замуж за офицера. Отучилась на первом курсе Свердловского института народного хозяйства и в 18 лет оказалась в военном гарнизоне. В 1979 го-

ду, когда началась афганская кампания, наша семья жила в городе Чирчике в Узбекистане, и формирование первого отряда происходило на моих глазах.

– А как все это происходило?

– Было очень страшно! Мы решили, что началась третья мировая война. По улице шли танки, мужа ничего не рассказывали, никто ничего не объяснял. Я тогда только что родила своего первого сына. Ходили разные слухи, но паники особой не было. Никто не думал, что конфликт получится таким кровопролитным и долгим, что при нем вырастет целое поколение, что мой муж пройдет через Афганистан, и эта война так изменит жизнь страны, что СССР распадется. Я тогда была совсем девчонка, но активная, по характеру оптимистка. Возглавила женсовет части. Успокаивала женщин – все наладится.

– Откуда в Вас эта энергия?

На конференции «Женщины за мир и стабильность в Чеченской Республике», г. Грозный

– Думаю, что от мамы, Ванды Викторовны Кадциной. Она прошла всю войну, была разведчицей, освобождала Европу, одна из первых вошла в канцелярию Гитлера. Участвовала в штурме Берлина, оставила свою подпись на Рейхстаге. Сейчас мама не только жива-здоровая, но, несмотря на то, что ей 80 лет, она активный общественный деятель. Встречалась с президентом страны В.В. Путиным во время празднования 60-летия Великой Победы, у нее брали интервью французские, итальянские журналисты. Мама часто говорит: «Получается, что моя дочь повторяет мою судьбу. Уже в мирное время она тоже прошла дорогами войны».

– Да, грустно повторение, но ведь воевали не Вы, а Ваш муж?

– Да, конечно, воевал муж, но Узбекистан и Афганистан находятся совсем рядом. Через наш гарнизон шел бесконечный поток раненых, и, самое ужасное, шли гробы. Ко мне обращались командиры с невыносимой просьбой – сообщить молодой вдове, такой же, как я, девчонке, что ее муж «погиб смертью храбрых». А мой муж в это время был на войне.

– Да, тяжело Вам тогда пришлось!

– Не то слово! И не успел кончиться афганский конфликт, мы с мужем оказались в Нагорном Карабахе. Шел 1989 год, у меня уже было двое маленьких сыновей, и я была на восьмом месяце беременности. Испытала унижения и запугивания, и даже маленькими деть-

ми «закрывалась», защищая еще не родившегося третьего сына!

– Как такое может быть? Почему Вы не сбежали сразу, как только началась «заварушка»?

– Расскажу подробнее. Как многие жены офицеров, я была служащей Советской Армии. Отвечала за достаточно серьезный объект и не могла его оставить, а смена все не приходила. Но самое главное, женщина должна поддерживать боевой дух мужа, быть с ним рядом.

– А как Вы, как свидетель, относитесь сейчас к Карабахским событиям?

– Конфликт был межнациональным, межконфессиональным и явился одной

из причин развала Советского Союза. Подобной причиной могли стать и более поздние события на Северном Кавказе. Даже самый первый конфликт ингушей и осетин из-за одного пригородного района Владикавказа мог привести к развалу России. Все очень тонко! Теперь я понимаю, кто стоит за этими событиями, кому они на руку, вижу, что это внешние силы, которым не нужен был сильный Советский Союз, не нужна сильная Россия.

Но мы-то тогда всего не понимали. Привыкли жить в социально защищенном мире. Мне и в голову не могло прийти, что меня, честно выполнявшую свою работу в охваченном огнем Нагорном Карабахе, беременную с детьми бросят, что я получу статус беженки, придется самой как-то прорываться, добираться до Свердловска, где тогда жила моя мама.

– Как Вы пережили эти события?

– Сама до конца не знаю! Мы оказались в настоящей оккупации. Ни еды, ни воды, ни света. Вот сейчас говорят «развал России», буднично как-то, просто. А для меня это реальность, страшнее которой ничего нет. Полная незащищенность и беспомощность, когда в любую минуту могут прийти вооруженные люди, убить, ограбить, сделать с тобой все что угодно.

Я понимаю, Афганистан, что бы там ни говорили, не наша территория. А здесь – Советский Союз, Родина. И мы блокированы. Поражало то, что люди, вместе воевавшие в Афганистане, делившиеся последним глотком во-

И в перерыве конференции коллегам было о чем поговорить

Вручение подарков ребятам из детского дома, г. Грозный

ды и куском хлеба, вдруг стали врагами! Какой силы была ненависть азербайджанцев к армянам! Я лично у себя скрывала двух армянских детей, ровесников моих мальчишек, девочку и мальчика.

– Вы пережили гражданскую войну. Расскажите подробнее, что это такое?

– Представьте свой дом, с вами ваши дети, совсем маленькие, скоро должен появиться на свет третий. Приходят вооруженные люди, в нашем случае это были азербайджанцы, говорят, что не выпустим, оставим у себя мальчиков, так как «нам нужны воины». Нас взрывали, постоянно взламывали двери, все было. У меня под подушкой лежал пистолет, возле стены – автомат. Я хорошо стреляю – пришлось научиться.

Запомнился один прапорщик, азербайджанец. Нормальный был человек, а тут! Он ворвался в мою квартиру, сказав при этом, что я никуда оттуда не уеду. Пришлось уговаривать, напоминать, что когда-то он мне приносил картошку, морковку, не давал умереть с голоду. Спрашивала, в чем моя вина? В ответ: «Ты у себя скрывала армян». А армяне те, я уже говорила, были крошечные дети.

– Как сложилась судьба тех ребятшек, которых Вы у себя скрывали?

– Их отец погиб, о матери я ничего не знаю. Самых малышек однажды ночью увезли родственники.

– А какво приходилось нашим солдатам?

– В Нагорном Карабахе ужасный климат: жуткие ветра, кругом горы. Солдаты, а им было по 18–19 лет, толком ничего не понимали. Сами боялись. Видят, как что-то движется вдалеке, и открывают огонь, а это стадо овец, и с ними пастих. Снайперы на крышах засыпали.

– Да, тяжело оказаться в стране, переживающей состояние развала.

– И невероятно страшно. Я не знала, гражданкой какой страны я являюсь. Пришлось питаться американскими пайками 1942 года, которые нам сбрасывали с вертолетов. Потом эти пайки я видела на рынке, их там активно покупа-

ли. Есть это было невозможно, хотя мы ели – и я, и дети.

– Как Вы сами вели себя в это время?

– Я абсолютно не понимала, в какую ужасную ситуацию попала. Как всякая советская женщина хотела нормально уйти в декретный отпуск, чтобы шел стаж, лежала где-то трудовая книжка. Поехала как-то с нашими солдатами в больницу брать обменную карту. Приезжаю, иду в женскую консультацию, а там чистят автоматы, разделяют туши. Мне со смехом говорят: давай, сдавай кровь из вены. Увидела грязные шприцы ужасные и, естественно, никакой крови сдавать не стала. Я молила Бога, чтобы мне живой выйти оттуда! Там же мне сунули какую-то справку, где был поставлен диагноз «сифилис ++++».

– Это у них была такая шутка?

– Не знаю, возможно. Когда я прилетела в Свердловск, мне сразу сказали, что никакого сифилиса и в помине нет, но уезжать с такой картой было, мягко говоря, не совсем комфортно! Вещей у меня с собой не было. Бежала с маленьким узелком с документами, колечками, сережками...

В аэропорту меня тоже не хотели выпускать. Тыкали в живот автоматами, дети жались ко мне, только тихонько попискивали. Во время полета мне снова было страшно: женщин в самолете не было, я с детьми сидела в уголке, а вокруг шла пьянка, хохот, творилось полное безобразие.

Выступление танцевального ансамбля

С такими защитниками хоть в огонь, хоть в воду

– А муж? Как он мог допустить над Вами такое издевательство?

– Его с нами не было. Он выполнял долг перед Родиной. Когда же мы прилетели в Свердловск, ситуация в корне изменилась. Все мои попутчики стали вежливыми, предупредительными. Через неделю я благополучно родила Артемку.

– А каким образом Вы попали в Чечню?

– Нашу часть перевели в город Аксай Ростовской области. Сначала жили в палатках в чистом поле. Потом снимали домик в частном секторе. В то время я растила уже троих сыновей. Тогда как раз начался чеченский конфликт. Пошли похорожки, и опять наших мужей отправляли в пекло.

– В чем, на Ваш взгляд, особенность чеченской войны?

– Солдаты долго не понимали, за что воюют. Такого количества психически надломленных людей, как тогда, нигде я прежде не видела. Многие прошли через плен. Помню молодого командира роты. Прошел Афган, ничего не боялся, а тут! Он защищал высоту, просил по рации помощи, но ее не было. И он сдался в плен. Не застрелился только потому, что ему сказали – сдашься сам, не убьем твоих солдат! А солдаты те были детьми, он смотрел им в глаза и не смог пустить себе пулю в лоб. Вернувшись из плена, он стал другим человеком. Вроде и по работе у него все в порядке, и карьеру делает хорошую.

А тогда, глядя на все это, я думала о том, что у меня растут мальчики. Старший поступил в суворовское училище в Свердловске, а с остальными что будет? Какое я как мать дам им образование? И я сказала мужу: «Все, хватит, пора уходить на гражданку. Уволившись из армии, мы переехали в Москву, муж занялся бизнесом».

– А как Вы пришли в политику, стали помощником лидера партии «Единая Россия» Б.В. Грызлова?

– Еще живя и работая в гарнизонах, я помогала женам военных, солдатам, возглавляла женсовет. Просто по харак-

теру я очень сильный человек. Были ощущения, что в России, в мире что-то происходит не так. Амбиции ли это политиков или еще что-то, но я не могу понять, зачем человечеству нужны все эти войны? Моя мама прошла войну, папа Геннадий Александрович – боевой офицер Великой Отечественной. Попал в фашистский концлагерь, но ему удалось бежать, вдогонку за ним пустили собак, которые нанесли ему множество укусов. Я никогда не забуду его изуродованное войной тело. Отец был очень красивым человеком, образованным, интеллигентным. Профессиональный музыкант и художник, у меня до сих пор стоит его фортепиано. А умер мой папа совсем молодым, из-за последствий фронтовых ранений.

– И Вы вот так сразу, поняв, что в мире что-то не так, пришли, сказали, что чувствуете, что можете стать политиком?

– Нет, конечно. Я попала в Москву. Муж занялся бизнесом, довольно успешно, появились «легкие» деньги. И наша семья, такая сплоченная в годы испытаний, добившись благополучия, неожиданно развалилась.

– И Вы опять остались одна с тремя детьми, но теперь уже в столице?

– И притом в такое время, когда в стране была полная неразбериха, и никто никому не был нужен. Если в гарнизоне мы делились куском хлеба, поддерживали друг друга, то здесь на-

Встреча с высшим руководством Чеченской Республики

до было рассчитывать лишь на себя. У меня на руках были дети и пожилая мама.

Я пошла учиться, окончила университет, затем работала в НИИ. Но занятие наукой было мне не по душе. И тогда мне повезло. Когда начали создавать «Единую Россию», меня предложили в помощники к лидеру партии. Для меня эта работа была очень интересной! Я опять почувствовала пульс жизни. А потом решила создать свою организацию и назвала ее «Женский диалог».

– Какова цель Вашей организации?

– «Женский диалог» – диалог женщин со всем обществом. Основа всего – это женщина-мать, дающая жизнь. Мы, хранительницы домашнего очага, не имеем права на ошибки. Считаю, что у президента России должен быть надежный тыл. А тыл этот – женщины, дети, старики, семьи, на которые можно опереться.

Мы создаем этот тыл. У нас уже 45 региональных отделений. От Чукотки до юга России. Создана самостоятельная международная организация – союз Украины, Белоруссии, Казахстана и России – «Женский диалог». Это не только дань прошлому. У нас и теперь очень много общего, те же многонациональные семьи, например. Мы не можем обойтись друг без друга.

– Как Вы понимаете роль семьи?

– Основа общества – семья, все исходит из семьи. Это мое личное мнение. Укрепится семья – не будет ни беднос-

ти, ни беспризорности, ни алкоголизма, ни наркомании. Мы не умеем воспитывать своих детей, мы не почитаем стариков. Мы гуляем с собаками, заботимся о кошках – прекрасно, но почему в это же время наши отцы и матери живут в домах престарелых?

– Какая Ваша главная задача как общественного деятеля?

– Помогать в установлении мира на Северном Кавказе. Организм не может быть жизнеспособным, когда в нем зияет кровоточащая рана. Он погибнет, мы не должны этого допустить. Я сама прошла гражданскую войну и знаю, о чем говорю. После трагедии Беслана организация «Женский диалог» провела конференцию в городе Армавире, в которой приняли участие представители всех Северокавказских республик. Какое это было необыкновенное единение, какая аура взаимной поддержки! Не было ни злобы, ни ненависти. Мы все – русские, чеченки, ингушки, осетинки, дагестанки – обнялись на сцене и говорили, что должны защитить себя, сохранить детей, возродить Россию. Тогда представитель Чеченской делегации, помощник президента Чеченской Республики Я.А. Шамилева мне сказала: «Наша республика – самая многострадальная. К нам никто никогда не приедет!» На что я ей ответила, что следующая конференция «Женского диалога» пройдет в городе Грозном. Эту инициативу поддержал Президент Республики А.Д. Алханов.

– Какое у Вас впечатление об этом человеке?

– Президент олицетворяет свой народ. Алу Алханов – один из достойнейших представителей чеченского народа. Гордый, сильный, порядочный человек, с которым интересно работать. Смысл его жизни – восстановление Чеченской Республики, ее дальнейшее развитие. Но гораздо важнее, чтобы с этого многострадального народа сошло клеймо террористов. Для этого мы должны больше знать друг о друге. Быть единым народом под названием россияне.

– Но как донести эту боль до Москвы, до президента?

– Вот для этого, в частности, и нужна Общественная палата РФ, которая сейчас заканчивает свое формирование. Общественная палата РФ – это диалог гражданского общества и всех ветвей власти. И очень хорошо, что в нее войдут представители разных слоев общества, разных возрастных групп.

– Есть ли у России шанс не распасться, сохраться как единое государство?

– О распаде не может быть и речи. Россия была, есть и будет великой державой! В начале нынешнего года наша организация планирует следующую конференцию «Женщины за мир на юге России» в Ингушетии. Мы хотим подчеркнуть, что у матерей нет национальностей, есть общая боль за будущее своих детей, своей страны. Не должны пропадать бесследно ни в чем не повинные люди, не должны литься кровь и слезы. Продолжительность жизни в России и так слишком мала, чтобы нам еще враждовать и убивать друг друга!

– В заключение разговора, позвольте спросить Вас о Вашей семье, кем стали дети, пережившие вместе с Вами столько горя?

– У меня замечательные сыновья, они военнослужащие. Старший – капитан, средний – лейтенант юстиции, младший – ученик средней школы. Он хочет стать психологом, помогать людям, когда им тяжело.

– Что бы Вы пожелали читателям нашего журнала в этом году?

– Прежде всего мира, душевного спокойствия и здоровья, терпения и терпимости. И, конечно же, веры в себя и в сильную Россию.

Елена ГРИГОРЬЕВА

Фото на память